

УДК 008**Символика шута в гравюрах Анатомического человека и скелета в парижских первопечатных часословах последней четверти XV – середины XVI веков как репрезентант культурных трансформаций начала Нового Времени****Ковзова Елена Викторовна**

Аспирант,
Государственный институт искусствознания,
Министерство культуры Российской Федерации,
125375, Российская Федерация, Москва, Козицкий переулок, 5;
e-mail: Elena.kovzova@yandex.ru

Аннотация

Объектом исследования в статье является фигура шута из гравюр Анатомического человека и скелета в парижских печатных часословах, на примере которой рассматриваются культурные трансформации на пороге Нового Времени. Методология исследования базируется на иконографическом, формально стилистическом и семиотическом методах. Особым вкладом автора является использование междисциплинарного подхода: шут рассматривается в контексте астрологической медицины, темы смерти, глупости, карнавальной культуры и комического театра. Автор делает вывод о том, что фигура шута, с одной стороны, символизирует темные силы, подчеркивает назидательное значение гравюры, напоминает читателям о необходимости думать о смерти, с другой стороны, в ней проявляется смеховая культура и любовь к жизни, которые знаменуют начало Нового времени.

Для цитирования в научных исследованиях

Ковзова Е.В. Символика шута в гравюрах Анатомического человека и скелета в парижских первопечатных часословах последней четверти XV – середины XVI веков как репрезентант культурных трансформаций начала Нового Времени // Культура и цивилизация. 2024. Том 14. № 7А. С. 50-62.

Ключевые слова

Парижские печатные часословы, первопечатная книга, гравюра Анатомического человека, шут, смеховая культура, фарсы.

Введение

Отсчет Нового времени в Западной Европе начинается с изобретения книгопечатания, поэтому выбор первопечатных книг, как объекта исследования вполне логичен. С другой стороны, часослов (молитвенник для мирян) появился в глубоком Средневековье в XIII в. Книгопечатание требовало серьезных денежных инвестиций, и первые издатели предпочитали работать «с проверенными временем произведениями» [Мурашкина, 2019, 80], часословы в их число входили, так как были частью повседневной жизни - их тексты знала наизусть вся Европа. В Париже первый печатный часослов был издан Антуаном Вераром в 1485 г. Может показаться, что часословы — это наследие Средневековья и не самых подходящих объект для исследования культурных трансформаций на пороге Нового времени.

Рисунок 1 - Часослов. Париж. 1489/90. Библиотека и музей Моргана. М. 565, F. 2r.

Мы считаем, что такой выбор тем не менее оправдан. В большинстве случаев часослов был единственной книгой в доме, его называли «зеркалом мира» [Loiseau, www...] человека этого времени. С момента появления печатных технологий часослов стал стремительно меняться, отражая вкусы новой аудитории. Уже в конце 80-х годов XV в. в печатных часословах появились новые сюжеты: в частности, гравюра Анатомического человека и более поздняя версия этой гравюры – Анатомический скелет, у ног которого расположился шут.

Рисунок 2 - Часослов. Париж. 1509. Симон Востр. Франция. Коллекция Архива госпиталя. Бон, impr. Layette. 123. 81509. MF 26155

Выбор гравюры Анатомического человека также не случаен – человеческое тело в период позднего Средневековья – это место пересечения всех космических сил, воплощение представлений о жизни, здоровье, смерти человека. Популярность печатных часословов и появление новых сюжетов позволяют рассматривать данные гравюры в контексте исследования изменений ценностей и идеалов Средневековой культуры последней четверти XV в. - середины XVI в. во Франции.

Почти одновременно такие гравюры появляются в сборнике медицинских, астрологических, религиозных и назидательных текстов - Пастушеском календаре, который был издан в Париже Гюйо Маршаном в 1491 г. В нашем исследовании у нас не будет возможности поговорить об этом издании, отметим лишь, что иконография гравюр Анатомического человека и скелета Пастушеского календаря и часословов разная.

Изображения Анатомического человека и скелета в часословах не были объектом отдельного исследования, они упоминаются в рамках работ о представлениях об устройстве Вселенной в средневековье [Пильгун, 2011], астрологической медицине, печатных часословах [Rabaud, Bouleau, www...] и Пастушеских календарях [Hüe, www...]. Самым комплексным анализом гравюр Анатомического человека и скелета можно назвать статью Моника Сантучи «Солнце и планеты в гравюрах Анатомический человек и Homo astrologicus» [Santucci, www...]. Настоящая статья продолжает вектор исследования, заданный Моникой Сантучи, но тема в этой статье нам кажется лишь заданной, но далеко не исчерпанной.

Новизна исследования заключается том, что мы рассматриваем фигуру шута как маркер мировоззренческих трансформаций средневековой культуры. Размеры шута, его расположение, изменение его иконографии свидетельствуют от том, что он важен для понимания смысла гравюры. Новизной является также и междисциплинарный характер исследования: шут рассматривается в контексте астрологической медицины, темы смерти, глупости, карнавальной культуры и комического театра.

Целью исследовательского интереса является выявление изобразительных «маркеров», репрезентирующих динамические процессы в культуре конца Средневековья и начала Нового Времени в период смены картины мира на примере фигуры шута, поэтому поэтапно

рассматриваем отражение философской идеи человека - микрокосма, малотезии гуморальной теории связь фигуры шута с астрологической медициной; репрезентацию идей смерти, глупости, дьявола, а также карнавальной культуры через образ шута в гравюрах Анатомического человека и скелета.

Описание гравюры

Гравюра Анатомического человека представляет собой изображение обнаженного мужчины со вскрытой брюшной полостью и диафрагмой, внутренние органы которого связаны с изображением планет, у его ног примостился шут. В начале XVI в. в часословах вместо трупа появится скелет, при этом у него сохраняются внутренние органы (они изображены еще более схематично, чем в первом варианте), которые также связаны с изображением планет.

Теперь рассмотрим более подробно фигуру шута. Почему шут находится между ног у Анатомического человека и скелета?

В первых гравюрах часословов шут стоит на полусогнутых ножках. В часословах шут активно взаимодействует с луной: демонстративно отворачиваясь от нее или наоборот, смотря прямо на нее, указывая на навершие жезла. В часословах лицо изображено подробно, а важным маркером является возраст шута. Он или подчеркнуто молод или среднего возраста и некрасив.

В 90-х годах поза шута в часословах меняется – он стает на одно колено, что позволяет сделать позу более естественной, а фигуру визуальнее больше. В начале XVI в., когда анатомический человек заменен скелетом шут становится еще выше и меняется типаж – он обычно изображается молодым и круглолицым. Далее, рассмотрев философскую идею микро и макрокосма, мы вернемся к тому, почему маркеры возраста столько важны для иконографии часослова.

Философская идея микро- и макрокосма

Философская идея об аналогии микро- и макрокосма зародилась в глубокой древности и представляет собой «архаические верования, в соответствии с которыми человек мыслит себя в тех же категориях, что и остальной мир, не ощущает своей выделенности из него» [Гуревич, 1981, С.138]. Расцвет философии микро- и макрокосма наступает в XII в., когда через арабский Восток Западная Европа обрела труды Платона и Аристотеля.

С конца XIII в. схема, иллюстрирующая влияние Зодиака на органы человеческого тела, получает широкое распространение в медицинских сборниках и календарях. Типичное изображение Зодиакального человека представляет собой юношу с раздвинутыми руками, знаки зодиака нанесены на тело.

В последней четверти XV в. часословах и Пастушеских календарях во Франции появляется иллюстрация Анатомического человека. Интерес к тому, что находится внутри человека, с одной стороны, объясняется развитием медицины, необходимостью изучения анатомии, но также можно сказать, что «обращение к «внутреннему миру» человека как микрокосму ... диктовалось стремлением проникнуть в его «сущность» и в определенной степени ответить на философский вопрос: «Что есть Человек?» [Изуткин, www..., 19]. Бог в небесах управляет миром -макркосмом, а душа человека - микрокосмом.

Диаграмма Анатомического человека была не просто кратким справочником для врачей, хирургов-цирюльников, а позднее и обычных людей для повседневной жизни, она продолжает

традиции древней идеи человека-микрокосма, а также воплощает поиски ответов на важные философские вопросы.

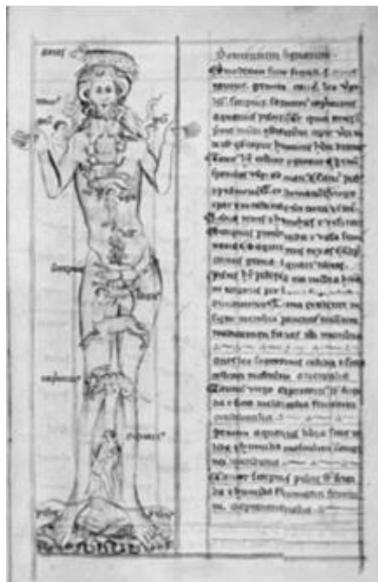

Рисунок 3 - Астрологический сборник. XIV в. Оксфорд. Бодлианская Библиотека. MS. Canon. Misc. 248 F 042 г.

Шут и Луна

Единой схемы связи между семью планетами и семью органами тела не была выработана: в текстах и в иллюстрациях рукописей и гравюр позднего Средневековья встречаются различные варианты этой схемы. Луна и Солнце – это самые важные планеты для медицинской астрологии, поэтому персонификация именно этих планет вполне объяснима. Солнце могло оказывать влияние на сердце или на желудок, но при этом во французских гравюрах Анатомического человека Луна всегда связана только с головой. Что обозначает фигура шута и как он связан с Луной с точки зрения астрологии?

Во второй половине XV в. было распространены изображения детей планет, людей, которые родились под знаком этой планеты, и обладают способностями античного бога, покровителя этой планеты.

Согласно исследованию А. Пильгуна дети Луны связаны со стихией воды - непостоянной, текучей, иногда непредсказуемой и опасной: это моряки, рыбаки, паромщики, мельники (они используют водяные мельницы), путники, бродяги, а также профессии, связанные с перемещением: распутницы, мошенницы, те, кто склонен к азартным играм и фокусничеству [Пильгун, 2011, 298]. Шуты, глупцы, безумцы не упоминаются как дети Луны. Моника Сантучи считает, что Луна связана с темными животными инстинктами и безумием [Santucci, www...], но в качестве примера автор упоминает только миниатюру из эльзасского манускрипта XII в. Связь Луны и безумия прочно вошла в культуру в эпоху романтизма, поэтому есть риск переноса на конец Средневековья представления более позднего периода.

Денис Ю. изящно связывает изображение шута в Пастушеском календаре с аристотелевским понятием подлунного (т.е. земного) мира, полного хаотических превращений. По мнению автора, шут, сидящий у ног Анатомического человека, возвращает человека на землю: хотя его

голова «витаает» в небесных сферах, он полностью зависит от подлунного мира, «безумного и нестабильного по определению» [Нйе, www...]. Это интересная гипотеза, требующая дальнейшего изучения, но нет других изобразительных примеров использования фигуры шута как маркера подлунного мира.

Можно сделать вывод, что фигура шута, глупца и безумца не имеет явных связей с Луной как астрологическим символом, а шут не связан с медицинско-астрологическим значением этой гравюры.

Тема смерти

На заре современной западной цивилизации интерес к смерти превратился в наваждение, она присутствует в литературе, музыке, театре и изобразительном искусстве: «ни одна эпоха не навязывала всем мысль о смерти с такой настойчивостью, как XV столетие» [Хейзинга, 1995, 141]. На гравюру Анатомического человека повлияли два иконографических типа смерти - Легенда о трех живых и трех мертвых (далее Легенде) и Пляски смерти (далее Пляски), которые получают широкое распространение на протяжении XV в.

В Легенде трое знатных юношей, которые возвращаются верхом с охоты, встречают трех «отвратительных мертвецов, указующих им на свое бывшее земное величие» - и на скорый конец, ожидающий юношей, которые пока еще живы». Сюжет напоминает о скоротечности земной жизни, необходимости отказаться от земных благ, ничтожности мирской власти и славы и призывает к покаянию.

Пляска смерти, вовлекающая в свой хоровод людей всех возрастов и профессий, возникает как литературная и изобразительная тема в Позднем Средневековье. В 1485 г. парижский печатник Гюйо Маршан издает Пляску смерти, включив в него также Легенду о трех живых и трех мертвых. Иконография трупа напоминает по иконографии одного из мертвых из Легенды (часто художники изображали мертвых на разной стадии тления), а улыбающийся скелет из гравюры имеет черты скелета из Плясок.

У смерти и шута оказывается много общего. Не случайно в издании Плясок Гюйо Маршана (1486 г.) смерть называет шута другом их многое объединяет. Шут связан с праздником и весельем, смерть приглашает своих жертв на последний танец. Важный мотив Легенды и Плясок – это равенство всех перед лицом смерти, шут также не боится шутить над сильными мира сего. В Легенде знатные юноши встречаются с мертвыми, которыми они станут в будущем. Шут обращается к своему жезлу, на котором вырезана головка шута, то есть тоже к себе самому.

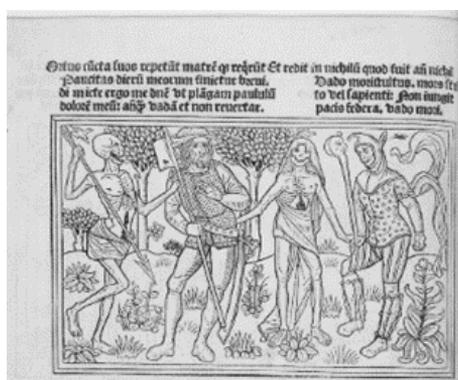

Рисунок 4 - Пляски смерти. Гюйо Маршан. Париж. BNF 1486. ISTC id00019800)

Иконография шута в Средневековье

Теперь мы рассмотрим, как складывается иконография шута, каким смыслом она несет. В XV–XVI вв. дураки были повсюду - на ярмарках, в тавернах, борделях, на подмостках средневекового театра, при дворах принцев и королей, их изображения украшают инициалы и бордюры часословов и псалтирей.

Insipiens

Образ шута, дурака, сумасшедшего позднего Средневековья имеет в качестве одного из источников *insipiens* (лат.) (грешника, безумца) из псалтирей и библий XIII в., где он иллюстрирует инициал D к псалму 52 («Сказал безумец в сердце своем: нет Бога»). Этот образ соединяет в себе «стыд и непослушание» [Gross, www...]. Отрицание Бога – наихудшее из мыслимых святотатств - было сутью человеческой глупости, те, кому не хватало знания о всемогуществе Творца, были обречены на вечную смерть после завершения их земной жизни.

Иконография *insipiens* также повлияла на шута из гравюры Анатомического человека. В первых изданиях он изображен с полусогнутыми ногами, маленьким, жалким, скрюченным: так проявляются стыд и унижение *insipiens*. На некоторых гравюрах он демонстративно отворачивается от Луны, задрал голову вверх, демонстрируя своеволие и строптивость.

Шут как буффон

С конца XIV начала XV в. иконография меняется, безумный безбожник *insipiens* стал изображаться, как придворный буффон. На гравюре Анатомического человека очень подробно показаны все маркеры придворного шута: колпак с ослиными ушами, олицетворяющие лень и упрямство, увенчанный петушиной головкой и гребешком, фестончатый воротник с бубенцами, жезл-марот «с кукольной головкой смеющегося шута» [Даркевич, 2006, 286].

Изменение иконографии на придворного шута говорит о появлении дополнительных смыслов: с одной стороны, доминирует тема глупости, частично продолжающая смыслы, заложенные в *insipiens* (безумца и еретика), но появляется тема мудрости (шуты могли обладать пророческим даром), а также праздника и карнавала, участниками которого были шуты.

Шут и дьявол

В.П. Даркевич приводит многочисленные примеры, демонстрирующие, что «во французской книжной миниатюре XIII в. образы нечестивого безумца и дьявола ... иконографически близки» [Даркевич, 2006, 289].

На верхнем бордюре парижского печатного часослова издателя Тельмана Кервера один шут пьет вино из кубка, другой уже бессильно лежит на спине и, запрокинув голову, пьет из горлышка сосуда

Рисунок 5 - Часослов. Париж. Тельман Кервер. BNF. RESERVE 8-T-2542

Шуты и черти – это излюбленное украшение бордюров печатных часословов, и они очень близки по иконографии: у них одинаковые длинные уши, хохолки на затылках чертей близки по форме к петушиным гребням шутовских колпаков, а лица шутов и чертей безобразны. Художникам с большим воодушевлением передают все изыяны их внешности: уши чертей и шутовских колпаков торчат вверх или висят, они могут быть вытянутыми или круглыми, носы и подбородки всех возможных форм и размеров – но при этом все это вне нормы.

На полях руанского часослова 1465-1475 из коллекции Музея и библиотеки Моргана шут показывает язык огромной стрекозе, которую он держит в руках/

Рисунок 6 - Часослов. Франция. Руан. 1465-1475 Библиотека Музей Моргана MS M.1055 fol. 13r).

Черти также часто изображаются с вытянутыми языками.

Рисунок 7 - Часослов. Париж. Тельман Кервер. BNF. RESERVE 8-T-2542

Шутовской костюм – это маркер дьявольского, потустороннего мира – страшного и смешного одновременно. Он может не воспроизводиться полностью, иногда используется одна характерная деталь (бубенчик на конце колпака, петушиный гребешок, ослиные уши и т. д.).

Самый любимый персонаж печатных часословов – это гибрид в шутовском колпаке: в часослове Филипа Пигуше на полях изображен кабан с клыками в шутовском колпаке, верхняя часть которого заворачивается как раковина улитки, у которой вместо копыт - огромные медвежьи лапы с когтями.

Фантастический монстр может быть «составлен» по принципу шутовского колпака - прямо из головы вырастает еще одна голова. Такие гибриды и монстры в шутовских колпаках пьют, предаются праздным удовольствиям и плотским утехам. Монстр в шутовском колпаке с человеческой головой и звериным туловищем держа кубок с вином любит на цветок, форма которого имеет явный эротический подтекст (Часослов. Париж. Филип Пигуше. 1498. Медиатека Жан-Жака Руссо. rés. A 5 (239)100125426. 034v - 035r

Дьявольская природа шута подчеркивается и в малых гравюрах на полях. На бордюре часослова издания Париж 1508 г. Антуана Верара (коллекция BNF) изображен первородный грех. На бордюре слева в этом же издании изображен дьявол, искушающий Христа, в часослове Симона Востра 1508 г. хвостатый дьявол запикивает еду в рот мужчине, сидящему за столом, справа - женщина, подталкиваемая дьяволом, протягивает руку к козлу [Dujakovic, www...].

Таким образом, можно сделать вывод, что шут в часослове – это маркер злых дьявольских сил, преследующих человека в течение всей жизни, а монстры и гибриды в шутовских колпаках, заполнившие поля печатных часословов, вызывают ужас и улыбку, как и проделки чертей во время дьяблерий.

Шут и глупость

Иконография шута, его одежда и атрибуты говорят о том, что в конце XV в. шут связан прежде всего с глупостью. Идея глупости восхищала людей этого времени. Средневековые люди, как образованные, так и малограмотные, не только верили, что число дураков в мире бесконечно, но и получали огромное удовольствие от многократных подтверждений этого убеждения. В книгах можно найти перечни дураков всех мастей [Arden, www..., 292]. Глупость в конце XV в. – это основная характеристика человеческой природы. В часословах как рукописных, так и печатных художники любят обыгрывать тему глупости и абсурдности поведения шутов. В рукописном часослове шут едет верхом на кошке, держась за поводья (Часослов. Руан. 1470. Библиотека и музей Моргана, MS M.167 F. 84r), на полях печатного часослова шут, пригнувшись, прячется от птицы (Часослов. Париж. Филип Пигуше. 1498. Шембери. Медиатека Жан-Жака Руссо. rés. A 5 (239) (cnrs.fr) F.002 r).

Голова Анатомического человека связана с шутком - символом глупости - предостерегая читателей от стремления к земным удовольствиям, удовлетворению своих амбиций ценой спасения бессмертной души.

Шут и карнавал

По мнению М. М. Бахтина, невозможно понять культурное сознание Средневековья и Возрождения без осознания «двумерности» этой культуры [Бахтин, 1965 10]. Шуты были «постоянными, закрепленными в обычной (т. е. некарнавальной) жизни, носителями карнавального начала» [Бахтин, 1965 13], олицетворяющими «смеховой аспект мира», столь же неотъемлемый от самого существа средневекового миропонимания, как и серьезный, «официальный» его аспект [Гуревич, 1981. 273]. В гравюре Анатомического человека шута можно рассмотреть, как фигуру карнавальной культуры, снижающий пафос учености и назидательности, которая несет эта гравюра, «как присутствие одной культуры в мысли, в мире другой» [Гуревич, 1981. 277].

С этой точки зрения интересно подумать о композиции гравюры. Почему шут находится между ног у Анатомического человека и скелета? В гравюре Анатомического человека шут находится близко к области таза. Для шутов характерны «скатологические вольности», «гастрономические и эротические остроты» [Даркевич, 2006, 290]. В данном случае шут подчеркивает «гротескное тело» [Бахтин, 1965, 32] анатомического человека, акцентируя «телесный низ», «зону рождающих, производительных органов» [Бахтин, 1965, 35].

Бахтин обращает внимание на то, что «театрально-зрелищные формы средневековья» были

связаны с карнавальной культурой и «в известной мере входили в ее состав» [Бахтин, 1965, 11].

Шут и средневековый комический театр

Фигура шута становилась все более заметной в области светского комического театра, расцвет которого начинается во второй половине XV в.

Мишель Фуко так описывает эти произведения: «теперь это длинная вереница «дурачеств», где пороки и недостатки по-прежнему клеймятся, но возводятся уже к иному истоку — не к гордыне, не к недостатку милосердия, не к забвению христианских добродетелей, как было встарь, а к какому-то великому мировому неразумию, в котором, строго говоря, никто не повинен, но которое втайне влечет к себе всех и всех увлекает за собой» [Фуко, 2010, 23]. Основные жанры светского средневекового театра — это фарсы и соти. Шуты могли присутствовать во всех жанрах средневекового театра и не только как персонажи: тема глупости, сумасшествия была основной в сюжете большинства фарсов. В фарсе об адвокате Патлене слово (*fol* — дурак, сумасшедший) и его синонимы (*nice* — идиот), (*beste* — дурак) встречается почти на каждой странице.

Фарс «Бедный Жуан» интересен тем, что простаком в нем оказывается не шут, а муж. На бордюрах часословов шуты словно тоже играют роль комментирующих дураков из средневековых фарсов — они взаимодействуют с текстом или изображением основной гравюры или наоборот, отворачиваются от него, показывают на что-то за пределами изображения.

В гравюре Анатомического человека шута можно интерпретировать, как комментатора, который сидит у ног своего повелителя смерти.

Анализируя сюжеты средневековых фарсов, Андреев обращает внимание на то, что в них «нет победителей, вернее, нет постоянных победителей»: «муж скуп, глуп, сексуально немошен, под каблуком у жены», «жена сварлива и похотлива, любовник труслив» [Андреев, www..., 133]. Действие фарсов показывает косную и греховную человеческую природу, таким образом, они несут назидательное значение. С другой стороны, фарсы — это пример «жизнеутверждающего Ренессансного комизма» [Хамаза, 2012, 27], «праздничного смеха» [Андреев, www..., 90].

Таким образом, что шут в гравюре Анатомического человека и скелета является для читателей также знаком театрального персонажа комического Средневекового театра, в котором все участники, включая и читателя, на которого смотрит человек или скелет, поданные Глупости, а смеяться можно уже и над самой смертью.

Заключение

Подводя итог исследованию, можно сделать вывод, что гравюра Анатомического показывает изменение отношения человека к миру и к себе самому. Якимович пишет о том, что «когда забрезжила заря спасения и новой жизни и чума почему-то отступила, то в массах и элитах зародилась переживание нового начала»: «не случайно XV в. обозначен в истории Европы появлением людей отважных, экспериментирующих, переделывающих представление о мире» [Якимович, 2021, 26]. Она показывает, что возникает интерес к тому, что находится внутри человеческого тела, как оно устроено. Шут не связан с медицинско-астрологическим значением гравюры. В первую очередь, он дополняет религиозно-нравоучительную функцию, основную роль в которой играет образ трупа или скелета, символов смерти, вызывающих страх, призывающих вести праведную жизнь и всегда думать о смерти. Шут — это маркер дьявольских

сил, его иконография близка к образу чертей. Не случайно на маленьких гравюрах на бордюрах располагаются сцена грехопадения и искушения. Он напоминает дьявола, искушающего человека в течение жизни. При этом черти – это участники веселых дьяблерий, «бес объединял в себе абсолютное зло с шутовством» [Гуревич, 1981, 301]. Шут – это также символ глупости, проявление человеческого неразумия. Тема глупости конца XV в. – это прежде всего «нравственная сатира» [Фуко, 2010, 37]. С другой стороны, шут – это персонаж смеховой, карнавальной культурой. Гуревич справедливо говорит о том, что, описанная Бахтиным «карнавальная стихия по всем ее признакам — городская», «ее центр — городская площадь» [Гуревич, 1981, 274], в Средневековье она только зарождается, а ее расцвет знаменует начало Нового времени. Дрольри появляются в иллюминированных манускриптах в XIII в., но именно в конце XV в. на полях печатных часослов гибриды и монстры в шутовском наряде превращаются в основной мотив между маленькими гравюрами. Не случайно, что в этот же период происходит расцвет комического театра, сюжет большинства пьес строился на теме глупости, сумасшествия, а шут был любимы персонажем фарсов и соти. Таким образом, шут на гравюре становится не только напоминанием о смерти и коварстве темных сил, но воплощением смехового начала, помогающий преодолеть страх перед смертью.

Библиография

1. Мурашкина С. В. Революция Гутенберга: книги эпохи перемен. Москва, 2019
2. Loiseau M. Le livre d'heures comme miroir du monde, traces et reflets de la vie quotidienne des femmes de la France de l'Ouest à travers leurs manuscrits [Электронный ресурс] // Le livre d'heures comme miroir du monde, traces et reflets de la vie quotidienne des femmes de la France de l'Ouest à travers leurs manuscrits - HAL (дата обращения 15.07.2024)
3. Пильгун А.В. Вселенная Средневековья. Москва, 2011.
4. Rabaud W., Bouleau N. A la source de la Renaissance française, le livre d'Heures parisien. Livres d'Heures imprimés à Paris entre 1488 et 1550. [Электронный ресурс] // A la source de la Renaissance française, Le livre d'Heures parisien Livres d'Heures imprimés à Paris entre 1488 et 1550 - HAL-SHS - Sciences de l'Homme et de la Société (Дата обращения 12.07.2024)
5. Hüe D. Le Calendrier et compost des bergers, un vade-mecum populaire [Электронный ресурс] // Lire, choisir, écrire - Le Calendrier et compost des bergers, un vade-mecum populaire - Publications de l'École nationale des chartes (openedition.org) (Дата обращения 12.07.2024)
6. Santucci M. L'homme et les planetes dans les planches de l'Homme anatomique et de l'Homo astrologicus. [Электронный ресурс] // La soleil, la lune et les étoiles au Moyen Âge - L'homme et les planetes dans les planches de l'Homme anatomique et de l'Homo astrologicus - Presses universitaires de Provence (openedition.org) (дата обращения 17.07.2024)
7. Гуревич А.Я. Проблемы средневековой народной культуры. Москва, 1981.
8. Изуткин Д.А. История становления анатомических театров. [Электронный ресурс] // История становления анатомических театров – тема научной статьи по истории и археологии читайте бесплатно текст научно-исследовательской работы в электронной библиотеке КиберЛенинка (cyberleninka.ru) (дата обращения 16.07.2024)
9. Хейзинга Й. Осень Средневековья. Москва, 1995
10. Gross A. L'exegese iconographique du terme insipiens du Psaume 52. [Электронный ресурс] // //L'exégèse iconographique du terme "insipiens" du Psaume 52 on JSTOR (Дата обращения 17.07.2024)
11. Даркевич В.П. Светская праздничная жизнь Средневековья IX-XVI вв. Москва, 2006.
12. Dujakovic M. Death and the illustrated book: printers, experimentaton and the reinventon of the danse macabre, 1485-с.1530s P.188 [Электронный ресурс] //Death and the illustrated book : printers, experimentation and the reinvention of the Danse macabre, 1485-с.1530s - UBC Library Open Collections (дата обращения 16.07.2024)
13. Arden H. Fools' plays : a study of satire in the sottie [Электронный ресурс] //Fools' plays : a study of satire in the sottie : Arden, Heather, 1943- : Free Download, Borrow, and Streaming : Internet Archive P. 292 (дата обращения 16.07.2024)
14. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. Москва, 1965.
15. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. Москва, 2010.
16. Андреев М.Л. Сюжетика фарса. С. 133 [Электронный ресурс] // Сюжетика фарса – тема научной статьи по

языкознанию и литературоведению читайте бесплатно текст научно-исследовательской работы в электронной библиотеке КиберЛенинка (cyberleninka.ru) (дата обращения 16.07.2024)

17. Хамаза Е. И. Время в зеркале жанра: французская драматургия XVI - первой трети XVII века. Москва, 2012.
18. Якимович А.К. Художники Возрождения, Новаторы. Экспериментаторы, нонконформисты. Москва, Искусство XXI Век. 2021

The symbolism of the Jester in the engravings of Anatomical man and skeleton in the Parisian early printed Book of Hours of the last quarter of the XV - mid-XVI centuries as a representative of the cultural transformations of the beginning of Modern Times

Elena V. Kovzova

Graduate student,
State Institute of Art Studies, Ministry of Culture of the Russian Federation,
125375, 5, Kozitsky lane, Moscow, Russian Federation;
e-mail: Elena.kovzova@yandex.ru

Abstract

The object of the research in the article is the figure of a buffoon from the engravings of an Anatomical man and a skeleton in Parisian printed Book of hours, on the example of which cultural transformations on the threshold of Modern Times are considered. The research methodology is based on iconographic, formal stylistic and semiotic methods. A special contribution of the author is the use of an interdisciplinary approach: the jester is considered in the context of astrological medicine, the themes of death, foolishness, carnival and comic theater. The author concludes that the figure of the fool, on the one hand, symbolizes the dark forces, emphasizes the didactic significance of the engraving, reminds readers of the need to think about death, on the other hand, it shows the culture of popular laughter and love of life, which mark the beginning of a New Time.

For citation

Kovzova E.V. (2024) Simvolika shuta v gravyurakh Anatomicheskogo cheloveka i skeleta v parizhskikh pervopechatnykh chasoslovakh poslednei chetverti XV – serediny XVI vekov kak reprezentant kul'turnykh transformatsii nachala Novogo Vremeni [The symbolism of the Jester in the engravings of Anatomical man and skeleton in the Parisian early printed Book of Hours of the last quarter of the XV - mid-XVI centuries as a representative of the cultural transformations of the beginning of Modern Times]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 14 (7A), pp. 50-62.

Keywords

Parisian printed book of hours, early printing, Planet man, jester, the culture of popular laughter, farces.

References

1. Murashkina S. V. Gutenberg's Revolution: books of the era of change. Moscow, 2019
2. Loiseau M. Le livre d'heures comme miroir du monde, traces et reflets de la vie quotidienne des femmes de la France de l'Ouest à travers leurs manuscrits [Electronic resource] // Le livre d'heures comme miroir du monde, traces et reflets de

-
- la vie quotidienne des femmes de la France de l'Ouest à travers leurs manuscrits - HAL (accessed 07/15/2024)
3. Pilgun A.V. The Universe of the Middle Ages. Moscow, 2011.
 4. Rabaud W., Bouleau N. A la source de la Renaissance française, le livre d'Heures parisien. Livres d'Heures imprimés à Paris entre 1488 et 1550. [Electronic resource] // A la source de la Renaissance française, Le livre d'heures parisien Livres d'heures imprimés à Paris entre 1488 et 1550 - HAL-SHS - Sciences de l'Homme et de la Société (Accessed 07/12/2024)
 5. Hüe D. Le Calendrier et compost des bergers, un vade-mecum populaire [Electronic resource] // Lire, choisir, écrire - Le Calendrier et compost des bergers, un vade-mecum populaire - Publications de l'École nationale des chartes (openedition.org) (Accessed 12.07b2024)
 6. Santucci M. L'homme et les planetes dans les planches de l'Homme anatomique et de l'homo astrologicus. [Electronic resource] // La soleil, la lune et les étoiles au Moyen Âge - L'homme et les planetes dans les planches de l'Homme anatomique et de l'homo astrologicus - Presses universitaires de Provence (openedition.org) (accessed 17.07.2024)
 7. Gurevich A.Ya. Problems of medieval folk culture. Moscow, 1981.
 8. Izutkin D.A. The history of the formation of anatomical theaters. [Electronic resource] // The history of the formation of anatomical theaters – the topic of a scientific article on history and archaeology, read for free the text of a research paper in the CyberLeninka electronic library (cyberleninka.ru) (accessed 07/16/2024)
 9. Huizinga Y. The autumn of the Middle Ages. Moscow, 1995
 10. Gross A. L'exegèse iconographique du terme insipiens du Psaume 52. [Electronic resource] // // L'exégèse iconographique du terme "insipiens" du Psaume 52 on JSTOR (Accessed 07/17/2024)
 11. Darkevich V.P. Secular festive life of the Middle Ages of the IX-XVI centuries. Moscow, 2006.
 12. Dujakovic M. Death and the illustrated book: printers, experimentaton and the reinventon of the danse macabre, 1485-c.1530s P.188 [Electronic resource] //Death and the illustrated book : printers, experiment and the reinvention of the Danse macabre, 1485-c.1530s - UBC Library Open Collections (accessed 07/16/2024)
 13. Arden H. Fools' plays : a study of satire in the sottie [Electronic resource] //Fools' plays : a study of satire in the sottie : Arden, Heather, 1943- : Free Download, Borrow, and Streaming : Internet Archive P. 292 (accessed 07/16/2024)
 14. Bakhtin M.M. The work of Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and Renaissance. Moscow, 1965.
 15. Foucault M. The story of madness in the classical era. Moscow, 2010.
 16. Andreev M.L. Plot of farce. p. 133 [Electronic resource] // Plot of farce – the topic of a scientific article on linguistics and literary studies, read for free the text of a research paper in the CyberLeninka electronic library (cyberleninka.ru) (accessed 07/16/2024)
 17. Hamaza E. I. Time in the mirror of the genre: French drama of the XVI - first third of the XVII century. Moscow, 2012.
 18. Yakimovich A.K. Renaissance Artists, Innovators. Experimenters, nonconformists. Moscow, Art of the XXI Century. 2021
-